

— И про кого это ты говоришь, будто он мёртв?

— Какое невежество, тысячелетняя ты мумия, — ленивый, тягучий голос раздался прямо над головой Сатору Годжо.

Время вокруг словно замерло, подчиняясь невидимому стоп-кадру. Воцарилась жуткая, противоестественная тишина.

Даже Джокер, исходивший до этого в безумном, захлёбывающемся хохоте, вдруг осёкся. Он уставился на Сатору с глупым, озадаченным видом, вытянув шею, точно ощипанная утка.

Масамичи Яга, до этого хранивший угрюмое молчание в салоне Бэтплана, протиснулся вперёд, встав бок о бок с Нанами, и потрясённо уставился на происходящее.

Невероятно!

Прямо перед ними возник человек, внешне один в один походивший на захваченного лже-Сугуру. Одинаковые лица, одинаковые черты — но исходившая от них энергетика отличалась как небо и земля.

Кэндзяку потрясённо уставился на Сатору. Точнее, на мужчину, чей силуэт медленно, призрачной дымкой проступал прямо из тела Годжо.

Настоящий Сугуру Гето явился миру подобно духу-хранителю, встав за плечом Сатору. Его парящая фигура отливала потусторонней полупрозрачностью, но сомневаться не приходилось: он был здесь. Он не исчез окончательно.

— Это невозможно!.. — потрясённо выдохнул Кэндзяку. Он рванулся было вперёд, но железная хватка Сатору намертво вжала его в землю.

— Исключено! Если даже мою душу воля этого мира умудрилась истрепать, как ты — жалкий ошмёток чужого сознания — уцелел?!

— Да ещё и после того, как межпространственный коридор разнесло в щепки!

Сугуру плавно подплыл к Кэндзяку. На его лице играла ядовитая, насмешливая улыбка. Длинные угольно-чёрные пряди скользнули по плечам и едва заметно коснулись щеки узурпатора.

— Отчего же нет? — Сугуру с тихой, обманчиво мягкой улыбкой оглядел собственное украденное тело. Голос его звучал на удивление ласково. — Знаешь, если подумать, мне стоит тебя поблагодарить.

Законы вселенной шаманов в корне отличались от здешнего мироустройства. И лишь благодаря тому, что Кэндзяку пошёл на безумный риск и пробил брешь между мирами, дух Гето сумел вновь обрести форму.

Проще говоря, этот древний паразит умудрился перехитрить самого себя и вырыть собственными руками яму, в которую теперь благополучно угодил.

Впрочем, в одном Кэндзяку оказался прав: Сугуру никогда не был любимчиком судьбы. То, что его разум не растворился в небытии, само по себе граничило с чудом. Очнувшись по ту сторону бытия, Гето долго не мог поверить в реальность происходящего. Но цепляться за жизнь он не собирался.

Его земной путь завершился, и влачить существование в виде бесплотной тени казалось ему кошунством. Сугуру не поддался на лживые посулы Кэндзяку. Ему было плевать, сотрёт ли его нынешнее вмешательство из ткани бытия раз и навсегда. Он просто делал то, что велел долг. И к любому исходу был готов давным-давно.

Именно он тогда, оберегая сжавшегося под гнётом мироздания крошечного Сатору, спрятал его в укромном переулке. Надеялся, что его подберёт какая-нибудь жалостливая душа.

Да даже если бы никто не пришёл — с тем колоссальным запасом проклятой энергии, что бурлил в младенческом теле, Сатору не угрожала ни одна опасность в этом мире. Он всё равно остался бы собой — капризным, невыносимым, но абсолютно нерушимым и всесильным Божьим дитя, на которого уповали все без исключения. Для Сугуру этого было более чем достаточно.

Тогда он со спокойной душой закрыл глаза. Его призрачная оболочка начала таять, рассыпаясь мириадами тусклых искр, готовых бесследно раствориться в пустоте. Он смиренно ждал конца.

Но любовь, как известно, — самое жуткое и извращённое проклятие на свете. А может, Сатору просто наотрез отказался отпускать единственного друга во тьму во второй раз. В тот самый миг, когда Сугуру приготовился сделать шаг в небытие, Сатору очнулся.

Дикая, необузданная волна проклятой силы накрыла угасающий дух. Сатору безжалостно, силой втащил душу Сугуру в глубины своего тела, запер в собственном врождённом домене, пресекая любые попытки раствориться.

Он оказался проклят собственным другом. Стал кем-то вроде проклятого духа... хотя, пожалуй, не совсем им. Местное мироздание вообще неохотно подчинялось привычным правилам, рождая самые причудливые аномалии.

Сам Сатору, ни сном ни духом не ведавший, что именно его упрямство заварило всю эту кашу, насупился. Два парня с одинаковыми лицами преспокойно вели беседу прямо у него под носом, обсуждая его самого. И ладно бы просто обсуждали, так ведь он вообще не понимал ни единого

слова!

Почувствовав себя нагло обманутым, Сатору бесцеремонно сцапал призрачный силуэт Сугуру за шиворот и выдернул прямо перед собой.

Не ожидавший такой прыти Гето покачнулся, едва не растянувшись бесплотным шлейфом.

Сатору с любопытством ткнул духа пальцем. Субстанция, из которой состоял этот парень со странной чёлкой, на ощупь оказалась на удивление забавной, так что Годжо тут же попытался скрутить её с нижнего края в аккуратный комок. Сугуру, однако, вольности не оценил: он ловко перехватил руку Сатору, заставив того разжать пальцы, и моментально выскользнул из хватки.

— Эй! — возмутился Сатору, сверкнув глазами на строптивую чёлку. — Вообще-то ты живёшь в моём теле! С какой стати ты смеешь мне не подчиняться?!

Сугуру сделал вид, что ничего не произошло. Он с тихим удовлетворением отметил, что разум друга наконец полностью прояснился, а из самой глубины его зрачков бесследно исчезла та зловещая, мутная зелень, принесённая вирусом.

Поняв, что призыв к порядку проигнорирован, Сатору переключил внимание на Кэндзяку. Схватив его покрепче, он прищурился, словно только сейчас вспомнив о насущном вопросе, и процедил:

— Так, а ты вообще что за тварь такая?

Когда первая буря чужих чувств улеглась, в голове Сатору воцарился холодный расчёт. Годжо уставился на призрачного друга. Шесть Глаз ярко сияли, а тон его, вопреки трогательности момента, оставался до крайности развязным и надменным — ну настоящий барин, снизошедший до челяди.

Глядя на него, Сугуру не выдержал и тихо, ностальгически рассмеялся. Время словно повернуло в сторону их первой встречи. Тогда юный наследник великого клана Годжо точно так же сидел на краю кровати — вальяжный, небрежный, глядящий на весь мир свысока и сквозь зубы бросивший ледяное: «Ты ещё кто такой?»

— Давненько не виделись, Сатору, — мягко произнёс Сугуру, не сводя с него спокойного, бесконечно тёплого взгляда.

По правде говоря, Гето никогда не планировал раскрывать себя. Он не хотел вторгаться в новую жизнь друга, нарушать её хрупкое равновесие. Сугуру довольствовался малым — хранил покой Сатору в его снах, вытаскивая из вязких кошмаров или, если требовалось, мысленноогревая его призрачной кувалдой, чтобы направить вечно блуждающие мысли шабутного мага

в нужное русло.

У Сатору появилась семья. Сидя в глубинах его врождённого домена, Сугуру наблюдал за внешним миром. У Годжо теперь был чистый лист, новые близкие люди, иная судьба. Вторгаться туда Гето не имел права. В конце концов, именно он когда-то превратил прежнюю жизнь Сатору в руины, оставив после себя лишь пепел и боль.

Трудно представить, каких душевных сил стоило ему это решение. Вся недолгая земная жизнь Сугуру была чередой испытаний, где гладко не проходило почти ничего.

Стать магом особого ранга? Сугуру и сам не знал, было ли это благословением небес или его величайшим проклятием.

Но встреча с Сатору Годжо... О, это бесспорно стало лучшим, что с ним случилось. Сатору — невыносимый, крикливый, вечно лезущий на рожон. Как весело они шатались в обнимку по улицам, превращая жизнь бедного директора Яги в бесконечный ад из мигреней и отчётов!

Даже когда пришёл час расплаты, осознание того, что смерть он примет именно от рук Сатору, принесло лишь облегчение. Последний путь ему облегчил единственный друг. И вот теперь судьба сделала безумный кульбит, вновь позволив ему увидеть Годжо.

Сугуру чуть склонил голову набок, с улыбкой вспоминая, как Сатору уморительно канючил перед Бэтменом, и какие тёплые, пусть и полные обречённого вздоха взгляды бросали на него новые родственники. Нет, возвращаться нельзя. Он не должен вносить сумятицу в этот обретённый покой.

Он сознательно решил отпустить эту главную константу своего существования. Пусть Сатору живёт без груза прошлого. Пусть остаётся Мираклом Г. Уэйном — беззаботным, весёлым, не знающим старых шрамов. И потому, даже когда его собственная душа окрепла и напиталась силой, Сугуру упорно отказывался являть себя миру.

Но у судьбы были свои планы. Пока Сугуру из последних сил выжигал токсичные миазмы вируса Джокера из сознания друга, он внезапно почувствовал, что тысячелетняя мумия опять вознамерилась использовать его бывшую плоть для своих грязных интриг. Терпеть это святотатство Гето не стал. Он вырвался наружу, сорвал планы Кэндзяку и теперь воочию видел Сатору.

Чувства, нахлынувшие на Сатору при взгляде на Сугуру, не поддавались описанию. Ему словно в рот насильно пихнули конфету со всеми вкусами разом — кислую, приторную, горькую, острую и солёную. И это дикое варево принесло не только сладость долгожданной встречи, но и щемящую тоску, смешанную с глубокой, древней скорбью.

Неведомый порыв, беспричинная ностальгия и слепая, абсолютная вера. Сатору кожей чувствовал, будто знает этого человека вечно. Он был готов поклясться чем угодно: парень

со странной чёлкой, всё это время дремавший в его душе, никогда не причинит ему вреда. Но стоило первому шквалу утихнуть, как на его место пришли растерянность и глухое раздражение.

Он хмуро разглядывал Сугуру. Всё-таки сейчас Гето оставался для него лишь таинственным незнакомцем.

— Терпеть не могу, когда от меня что-то скрывают, — отрезал Сатору, вперив взгляд в призрака.

— Что? — растеряннo моргнул Сугуру.

Сатору выглядел непривычно растерянным. Он уставился на собственные ладони, то сжимая, то разжимая пальцы, словно силился ухватить ускользающую нить.

— Ты ведь живёшь во мне, так? — С этими словами Годжо, не давая призраку опомниться, резким жестом буквально вколотил строптивую душу обратно в своё подсознание.

— Моя память — хорошая ли, плохая — принадлежит только мне, — глухо, но твёрдо произнёс Сатору. — И я никогда не нуждался в чьей-либо опеке.

Сказал — и на душе стало только гаже. Раздражение зудело под кожей. Вроде бы одна из тайн приоткрылась, но вместо ответов он получил лишь спутанный клубок из новых вопросов. Хотелось рвать и метать.

Первым делом Сатору швырнул Джокера Бэтмену. У безумца были переломаны практически все кости — даже если бы Годжо оставил его в покое, этот жалкий кусок плоти не протянул бы долго без срочной медицинской помощи.

Что же до Кэндзяку... Заметив, что тварь пытается тихонько уползти, Сатору брезгливо и нетерпеливо сгреб его за шиворот.

Он уставился на изгаженное чужим присутствием тело друга. Зрелище вызывало лишь глухую ярость.

— Раз уж ты сидишь у меня внутри, то официально считаешься моим имуществом! — безапелляционно и нагло объявил Сатору. — А всё, что принадлежит тебе, отныне принадлежит мне. И я волен делать с этим хламом всё, что пожелаю!

С хрустом, от которого у любого смертного кровь застыла бы в жилах, Сатору вывернул тело Сугуру наизнанку, превратив в бесформенную грудку сломанных костей. Одним точным движением он сорвал крышку черепа и вытащил наружу склизкий, пульсирующий мозг.

— Не ной. Оторву тебе тело получше, — небрежно бросил он. Едва прозвучали эти слова, как многострадальная плоть Сугуру начала стремительно распадаться, осыпаясь на землю серой, безжизненной пылью.

Сатору с остервенением наступил каблуком на извивающуюся на земле тварь, вминая её в грязь. Увы, благодаря какому-то древнему, ввевшемуся в самую суть паразита заклятию, раздавить этот мерзкий комок плоти с ходу не вышло.

— И правильно, эта туша всё равно давно осквернена! — совершенно искренне оправдал себя Сатору. — Сомневаюсь, что тебе самому хотелось бы вернуться в шкуру, которую облапала эта дрянь.

В глубине души Сугуру лишь снисходительно усмехнулся.

Сатору тем временем безгласно подцепил скользкий, покрытый дорожной пылью мозг и точным броском отправил его прямо в руки застывшему столбом Масамичи Яге.

Лишённый возможности забиться в свежий труп, Кэндзяку оказался полностью беспомощен. Ловушка захлопнулась.

Главная угроза была устранена, но глухое раздражение Сатору никуда не делось. Оно зудело, мешало дышать — словно распутав самый сложный клубок, он обнаружил внутри абсолютно белую деталь пазла с какими-то дикими, не поддающимися логике пазами. Смотришь на неё — и выть хочется от бессилия.

Сатору требовалось выпустить пар. Срочно. И как можно разрушительнее.

— Слушай, Бэтмен, — он резко повернулся к Брюсу, и его взгляд опасно блеснул, предвещая бурю. — Та инопланетная шваль... Их же основная банда сейчас Нью-Йорк громит, верно?

<http://bllate.org/book/19544/2004474>